

РАННЕЕ НОВОЕ ВРЕМЯ В КОНТЕКСТЕ ВСЕМИРНОЙ ИСТОРИИ

8–10 сентября 2010 г. в Институте всеобщей истории РАН состоялась Международная конференция “Раннее Новое время в контексте всемирной истории”. В работе этого научного форума, инициированного отделом западноевропейского Средневековья и раннего Нового времени ИВИ РАН под руководством члена-корр. РАН П.Ю. Уварова, приняли участие ученые из Москвы, Санкт-Петербурга, российских научных и образовательных центров Волгограда, Воронежа, Екатеринбурга, Иваново, Кемерово, Кирова, Майкопа, Орла, Петрозаводска, Самары, Смоленска, Ростова-на-Дону, Томска, Тюмени, Ульяновска, Ярославля, а также зарубежные коллеги (Украина, Франция, США).

Особенность конференции состояла в разнообразии состава ее участников – помимо медиевистов и новистов, постоянно спорящих о том, кому принадлежит рассматриваемый период, выступали специалисты по русской истории: А. Берелович (Франция), В.Д. Назаров, М.М.Кром, О.В. Скобелкин и др.; востоковеды: Л.Б. Алаев, Л.С. Васильев, А.Л. Рябинин; африканисты (во всяком случае, по базовому образованию): Г. Дерлугьян, О.Ю. Бессмертная; латиноамериканисты: О.В. Окунева, Л.С. Окунева; специалисты по историографии и теоретическим проблемам исторического знания: О.В. Ким, Л.П. Репина, Л.Р. Хут, З.А. Чеканцева, а также “клиометристы”, специализирующиеся на макроmodellировании исторического процесса, объединенные вокруг журнала “Клиодинамика”: С.А. Нефёдов, С.В. Цирель, Л.Е. Гринин, С.Ю. Малков, А.В. Коротаев. Но главный градус был задан спорами практикующих историков-исследователей с практикующими историками-преподавателями, а то, что зачастую обе эти профессии сочетались в одном лице, лишь усугубляло коллизию.

Основная цель обсуждения¹ состояла в том, чтобы профессиональное сообщество совместными усилиями предложило ответ на вопрос, что мы знаем о раннем Новом времени в соответствии с современным уровнем развития исторической науки: его хронологические рамки, внутреннее содержание, общие черты и региональное своеобразие, а также в чем состоит эвристическая ценность макроисторических подходов к изучению этой переходной эпохи. В то же время на конференции были отчетливо слышны отголоски дискуссий между сторонниками микро- и макроподходов в изучении истории, не прекращающихся уже свыше 10 лет².

Первый день конференции был посвящен обсуждению таких проблем, как сущность понятия “раннее Новое время”, причины и история его появления, плюсы и минусы применения, его смысловое наполнение, а также вопросам университетского преподавания ранней Новой истории. Специальным мероприятием первого дня стал “круглый стол” на тему: “Проблемы ранних революций в Европе” (ведущий – Д.Ю. Бовыкин).

В рамках второго дня обсуждались три комплекса вопросов: во-первых, как связана возникающая “всемирность” (или достижение ею качественного нового этапа) с понятием раннего Нового времени; во-вторых, насколько возможно применение тер-

¹ В определенной мере этот форум стал продолжением читательской конференции журнала “Средние века”, состоявшейся в январе 2008 г. См. Читательская конференция журнала “Средние века”. День третий: “Раннее Новое время и теория модернизации”. – Средние века. Исследования по истории Средневековья и раннего Нового времени, вып. 70 (1–2). М., 2009, с. 98–138.

² См. Историк в поиске: микро- и макроподходы к изучению прошлого. Доклады и выступления на конференции 5–6 октября 1998. Под. ред. Ю.Л. Бессмертного (отв. ред.), М.А. Бойцова, П.Ш. Габдрахманова. М., 1999.

мина “раннее Новое время” для истории других регионов, выходящих за пределы “запада Западной Европы”; в-третьих, нужна ли вообще периодизация всемирной истории, а если нужна, то как универсальная периодизация может сопрягаться с периодизациями региональными и национальными.

Специальным мероприятием второго дня стал “круглый стол” на тему: “Смута в России начала XVII в. и Западная Европа (нарративы, документы, другие источники информации)” (ведущий – В.Д. Назаров).

В рамках третьего дня работы конференции была поставлена проблема “Сущность трансформационных процессов раннего Нового времени. Историки перед лицом теории модернизации”. Участники обсуждали, как соотносятся между собой теория (точнее – теории) модернизации с работами историков, исследующих эмпирический материал, а также с практикой преподавания истории в российских университетах. Особым мероприятием этого дня стала презентация серии книг, выпущенных издательством “Территория будущего” в рамках “Университетской библиотеки Александра Погорельского”³, связанных с темой конференции (ведущий – В.В. Анашвили).

Говоря о научном содержании конференции, представляется целесообразным сосредоточиться на наиболее интересных, с точки зрения дискуссионности, ее моментах.

Пафос выступления директора ИВИ РАН академика А.О. Чубарьяна на открытии конференции состоял в том, что макроисторическая проблематика возвращается в исследовательское поле исторической науки, но в преобразованном виде. Подтверждением этому могут служить итоги XXI Международного конгресса исторических наук в Амстердаме, в центре внимания которого были проблемы глобальной, всемирной истории. Сейчас это совершенно очевидная тенденция, на которую обратили внимание еще участники конгресса 2000 г.⁴, отметил А.О. Чубарьян. Он говорил о том, что настоящий историк формируется на стыке широких обобщений и конкретных тем, подчеркнул значимость рассматриваемой проблемы в прикладном плане, в связи с подготовкой коллективом ИВИ РАН шеститомной всемирной истории.

Член-корр. РАН П.Ю. Уваров заметил, что, когда пути исторических социологов и практикующих историков расходятся радикально, это не приносит пользы ни тем, ни другим, что серьезность ситуации требует совместных усилий. В выступлении профессора университета Нордвестерн (Чикаго) Г. Дерлугьяна, одного из учеников известного американского ученого И. Валлерстайна, прозвучала информация о разработке макроисторической проблематики в США. Было подчеркнуто, что она развивается лишь в нескольких элитных университетах. Но, несмотря на то, что работы таких ученых явно выбиваются из американского социологического “мейнстрима”, именно они дают в руки историков познавательный инструментарий, необходимый для понимания сущности переходных эпох.

Л.М. Баткин продолжил размышления о всемирности, начатые в его известных методологических статьях⁵. Всемирность, с его точки зрения, – необходимый “второй полюс исторического мышления исследователя”, занимающегося изучением конкретных

³ *Арриги Дж.* Долгий двадцатый век. Деньги, власть и истоки нашего времени. М., 2006; *Мак-Нил У.* В погоне за мощью. Технология, вооруженная сила и общество в XI–XX веках. М., 2008; *Нефёдов С.А.* Война и общество. Факторный анализ исторического процесса. М., 2008; *Тилли Ч.* Принуждение, капитал и европейские государства. 990–1992 гг. М., 2009; *Андерсон П.* Родословная абсолютистского государства. М., 2010; *Дерлугьян Г.* Адепт Бурдые на Кавказе. Эскизы к биографии в миротемной перспективе. М., 2010; *Лахман Р.* Капиталисты поневоле. Конфликт элит и экономические преобразования в Европе раннего Нового времени. М., 2010; *Мандру Р.* Франция раннего Нового времени, 1500–1640. Эссе по исторической психологии. М., 2010.

⁴ *Perspectives on Global History: Concepts and Methodology.* – 19th International Congress of Historical Sciences, 6–13 August, 2000. Proceedings Acts: Reports, Abstracts and Round Table Introductions. Oslo, 2000, p. 3–52.

⁵ *Баткин Л.М.* Заметки о современном историческом разуме. – Казус. Индивидуальное и уникальное в истории. 2000, вып. 3. М., 2000, с. 62–96; *его же.* Странная тюрьма исторической необходимости. – Одиссей. Человек в истории. 2000. М., 2000, с. 64–77.

проблем истории. В эпоху Нового времени именно Запад задал вектор всемирности, а глобализация стала распространением современных инфраструктур на все человечество.

Предваряя обсуждение понятия “раннее Новое время”, П.Ю. Уваров отметил, что далеко не все исследователи признают за этим концептом право на существование. Но большинство участников конференции относились к самой идее “раннего Нового времени” положительно. При общем консенсусе в определении сущности этого периода, каждый из выступавших стремился отметить определенные нюансы. Для Л.Е. Гринина существует множество оснований для выделения раннего Нового времени в качестве начала нового рубежа в мировой истории. Этот период имеет черты и старого, и нового общества. Именно тогда складывается единая мировая система, характеризующаяся воздействием Европы на другие части мира. По Л.М. Баткину, отсчет Нового времени следует вести с того момента, когда традиционализм, не сразу, но постепенно начинает давать сильные трещины. Общий смысл начавшихся изменений – отход от традиционалистских основ существования и начало модернизации, и этот переход явился некоей исторической мутацией. То, что это случилось в небольшой части Европы, сказал Л.М. Баткин, есть “самая большая загадка всемирной истории”. Для А.В. Шубина раннее Новое время – это становление индустриального общества в теле традиционного. С.В. Цирель, имея в виду характерные черты новой эпохи, отмечал рационализацию мира. Об идее разнородного и бесконечно расширяющегося мира, вслед за которой последовала идея бесконечно расширяющегося времени, говорил и А.В. Гордон.

Определяющей чертой раннего Нового времени для М.А. Юсима является установка на новое, на обновление. Вообще о чувстве новизны как характерном признаке эпохи говорили многие. Не просто новизной, а чувством “положительно окрашенной новизны”, когда “мир как целое впервые стал обозрим и доступен”, отмечена эта эпоха в представлении В.А. Ведюшкина. “Идея новшества из греховной превратилась в ценностно облагоустроенную” (А.В. Гордон), а “новое становится синонимом хорошего” (М.М. Кром).

Термин “раннее Новое время” для обозначения рассматриваемого периода многие характеризовали как наиболее удачный. Т.П. Гусаровой, например, он нравится больше, чем “долгое Средневековье”, так как, с одной стороны, отражает несовершенство и незрелость происходящих процессов, а с другой – новизну. Однако Л.С. Васильев говорил о том, что период, обозначаемый понятием “раннее Новое время”, правильнее характеризовать в более спокойных формулировках, которые “не вызывают бурю пустых споров”, например, “от Средних веков к Новому времени”⁶.

Если концепт “раннее Новое время” имеет право на существование, то совершенно естественно возникает вопрос о хронологических рамках эпохи, им обозначаемой, равно как и об общих проблемах периодизации истории. М.А. Юсим напомнил присутствующим, что периодизация – вещь конвенциональная, что это – упорядочение исторического времени путем уподобления его пространству. О том, что периодизация связана с определенным видением истории и в ней заложена телеология, т.е. взгляд из сегодняшнего дня, говорил М.М. Кром. Но если искать принцип единого основания периодизаций, то интересно посмотреть, как мировая система возникала, как начинают собираться вместе и взаимодействовать когда-то изолированные миры, мирки, цивилизации.

Необходимость сопряжения национальных, региональных и всемирно-исторических периодизаций на примере Латинской Америки отмечали О.В. Окунева и Л.С. Окунева. Подчеркивалось, что, если и применять термин “раннее Новое время” к Южной Америке, его наполнение будет иным. О реакции стран Дальнего Востока на раннее Новое время, когда они закрылись от внешнего мира, и необходимости учета этого фактора говорил А.Л. Рябинин. С точки зрения Л.Б. Алаева, решение проблемы

⁶ Так, кстати, и называется один из томов авторского многотомника по всеобщей истории. См. *Васильев Л.С.* Всеобщая история, в 4-х т. Т. 3. От средних веков к новому времени (XVI–XVIII вв.). М., 2008.

периодизации заключается в четком разделении ее всемирной (глобальной) и локальных версий. З.А. Чеканцева предложила различать значимость периодизации для исследовательской работы и для целей преподавания. Еще в первый день заседания об этом же говорил и член-корр. РАН, декан истфака МГУ С.П. Карпов. С его точки зрения, периодизация в первую очередь нужна для дидактических целей, споры о конце Средневековья и начале Нового времени, с собственно научной точки зрения, не имеют эвристической ценности. А.В. Гордон обратил внимание на метаморфозы, произошедшие в сознании историков. Если раньше на периодизацию смотрели, как на нечто предначертанное (“примерно так, как для солдата устав”), то потом – как на нечто удобное (“некая колбаса, которую можно резать и так, и этак”).

Если с условностью периодизаций согласились почти все участники, то проблема критериев периодизации вызвала споры. Одни настаивали на том, что любая классификация должна производиться по единому критерию (способ производства, формы государственности, смена механизмов самоорганизации социума и т.д.). Другие (Л.Б. Алаев, Л.С. Окунева), напротив, говорили, что ввиду сложности исторического процесса требовать единого критерия не нужно, что логика не должна замораживать живой процесс истории, иногда на первый план выводящей факторы государственности, иногда – культуры или экономики. Однако Л.Е. Гринин выразил несогласие с тем, что периодизацию можно делать на разных основаниях, в этом случае теряется смысл научной процедуры.

Доклад Л.Е. Гринина “Новое время в контексте периодизации исторического процесса” вызвал дискуссию. В нем говорилось о том, что периодизация – это систематизация особого рода, и, как любая систематизация, она многое огрубляет, но имеет и свои преимущества. Процедура либо должна включать переходный период между каждыми двумя периодами, либо “резать” исторический материал. Периодизация – как некая шкала, которая позволяет сравнивать общества, является эффективным методом упорядочения материала, однако всегда следует помнить о ее условности.

В основу предложенной им периодизации были положены принципы производства благ (охотничье-собираТЕЛЬский, аграрно-ремесленный, промышленный, научно-информационный), а рубежами между периодами явились производственные революции (аграрная, промышленная, научно-информационная). Промышленная революция также состояла из двух этапов: первый начинается с XV–XVI вв., с мощного развития мореплавания и торговли, техники и модернизации на основе водяного двигателя, усложнения разделения труда и др.; второй – с промышленного переворота XVIII – первой трети XIX в., связанного с внедрением различных машин и паровой энергии. Но промышленная революция – явление гораздо более широкое, чем только перемены в технике. Экономия труда в самых разных сферах играла колоссальную роль, и XVI в. изменил не только Европу, произошло реальное изменение мира в целом, насильственное и неожиданное.

Активно обсуждались проблемы факторов и векторов исторического процесса. Среди факторов, предопределивших развитие капитализма, часто упоминались открытия в области военной техники (Л.Е. Гринин, С.А. Нефёдов, С.В. Цирель). Подчеркивалось, что огнестрельное оружие и океанские корабли стали двумя фундаментальными изобретениями раннего Нового времени. Создание парусного корабля – великая экономическая революция, которая лежит в основе расширения рынка, распространения и одновременно развития капитализма. Средние века, наполненные нашествиями Степи, отличны от дальнейшей эпохи господства “пороховых империй”, покончивших с кочевой угрозой. В связи с обоснованием роли военного фактора в истории выступавшие часто апеллировали к трудам У. Мак-Нила и С.А. Нефёдова.

Отдельно обсуждалась проблема “Раннее Новое время в контексте теории модернизации”. Основой для обсуждения стал доклад О.В. Кима, в котором были проанализированы различные варианты этой теории, бытующие как на Западе, так и в рефлексиях российских историков. В состоявшейся дискуссии по докладу прозвучали различные определения феномена модернизации, а также обоснованные сомнения в правомер-

ности наложения модернизационных теорий на конкретный исторический материал. З.А. Чеканцева говорила о том, что ей, и как исследователю, и как преподавателю, теория модернизации была не нужна. Ю.Е. Ивонин заявил, что “социологи превратили историю раннего Нового времени в своего рода каменоломню”, что “надо эффективно использовать концепцию модернизации, но не до такой степени”. Поднимался вопрос о том, в чем полезность теории модернизации для целей преподавания (Д.Ю. Бовыкин). О.В. Киму она видится в обеспечении происшедшего в середине 1990-х годов отхода от идеологических формулировок при чтении общеисторических курсов, а Т.И. Зайцевой – во встраивании конкретного исторического периода в глобальные процессы.

Круглый стол, посвященный проблематике “ранних революций”, выявил отсутствие общепринятых дефиниций. М.А. Юсим предложил обратиться к законам природы. Общество – особый организм, сказал он, и революция – кризис этого организма. Революции были и есть, и они объективны. Революцией, по мнению М.А. Юсима, можно считать такие перемены и перевороты, которые ведут к сущностным переменам в структуре общества и связаны прежде всего с изменениями в сфере власти и собственности.

О том, что революция уже не рассматривается как “локомотив истории”, говорил А.В. Шубин. С его точки зрения, революция – это социально-политическая конфронтация по поводу принципов общественного устройства, преодолевающая существующую легитимность. Главным вопросом являются принципы общественного устройства, принципы комплектования элиты, поэтому термин “революция сверху” является лишь метафорой. В любом обществе существуют системообразующие элементы. Для XVI в. это был вопрос о религиозной принадлежности, для XIX в. – вопрос о собственности, для второй половины XX в. – вопрос о номенклатуре. Если процесс затрагивает детерминанты и пытается их изменить, тогда, по мнению А.В. Шубина, это и есть революция. Ранние революции могут быть в 1648 г., а могут – в 1968 г. Если слово “формация” употребимо, то тогда есть межформационные революции, а есть “доводящие”. Ранние революции новую формацию не создают, но они разбрасывают зерна нового.

Л.С. Васильев обратил внимание на девальвацию термина “революция” в связи с его частым употреблением в рамках различных словосочетаний и предложил свое определение. Революция, по Л.С. Васильеву, – мощный, сопровождающийся террором взрыв, направленный на насильственный слом существующего порядка с заменой его принципиально новым. Цель взрыва – предоставление полного господства рыночным частнособственническим (или “антично-буржуазным”, согласно историософской концепции автора) отношениям со всеми их либерально-демократическими правами, институтами, гарантиями и привилегиями. Смысл такой замены состоит в обеспечении ускоренной эволюции с нарастающими темпами развития. Итог взрыва – полная победа нового над старым. По мнению Л.С. Васильева, в истории была только одна настоящая революция – Французская конца XVIII в.

Часто повторялась мысль о метафоричности термина “революция” (В. М. Володарский, Л. А. Пименова и др.). Как отметил В.М. Володарский, в процессе написания всемирных историй и учебников широко используется образная система (метафоры являются понятия “Возрождение”, “революция”, “Запад”, “Восток”). Что касается проблематики конкретных событий и процессов, обозначаемых (или обозначавшихся) как “революции”, то В.М. Володарский напомнил присутствующим, что, например, концепция “Немецкая буржуазная революция” стала разрабатываться в ГДР на основе некоторых высказываний К. Маркса и Ф. Энгельса. В соответствии с ними встраивалась следующая схема: от ряда городских движений, начавшихся в 1476 г., к 1517 г. – складыванию революционной ситуации, завершившейся в 1525–1526 гг. Крестьянской войной, но продолженной в 1535 г. Мюнстерской коммуной, причем сама революция доводилась до религиозного мира 1555 г. Исследователь поставил ряд вопросов: если революция – единый процесс, почему в ней существуют такие фазы? Почему после 1525 г. революционные события имеют место только в одном городе? Если же революция – акт, то может ли она длиться 80 лет, как в Нидерландах? В.М. Володарский, ссылаясь на русский перевод книги Дж. Эйлмера “Восстание или революция? Англия

1640–1660 гг.”⁷, подверг сомнению и правомерность употребления термина “революция” по отношению к событиям середины XVII в. в Англии. А.Б. Соколов в свою очередь отметил, что ни в одном британском учебнике не было слова “революция”, он наличествует лишь в учебниках последних двух десятилетий, что, по его мнению, связано с влиянием марксистской историографии и К. Хилла. А. Берелович поставил вопрос о том, можно ли говорить о революциях, если их участники не преследовали цель построить новый мир. Взамен термина “революция” он предложил использовать термин “удавшееся восстание”. А.В. Чудинов изложил свой взгляд на Французскую революцию в русле положений своей монографии 2007 г.⁸

В резюме по итогам работы “круглого стола” Д.Ю. Бовыкин отметил, что у нас нет специалистов по Крестьянской войне в Германии, и единственный выступивший по данной теме, В.М. Володарский, считает, что это не революция. У нас только один, не присутствовавший на конференции специалист по Нидерландской революции, сказал Д.Ю. Бовыкин, имея в виду Г.А. Шатохину-Мордвинцеву, но опять же В.М. Володарский утверждает, что это не революция. У нас вообще нет специалистов по Английской революции, поэтому ее обсуждение не получилось, понятно лишь, что современники ее так не называли. На конференции отсутствовали специалисты по американской Войне за независимость, но, судя по всему, наши специалисты не склонны сегодня трактовать это событие как буржуазную революцию. Специалистов по революции Французской, наоборот, присутствовало много, они в большинстве своем считают это событие революцией, но не берутся определять ее характер как революции буржуазной. В целом специалисты по этим периодам продемонстрировали “контрреволюционный” настрой, что вызвало резкие возражения у многих из тех, кто читает общий курс Новой истории (в частности, у Г.Ю. Магакова).

Как уже отмечалось, большинство участников конференции составляли вузовские преподаватели. Поэтому в ходе ее работы неоднократно поднимался вопрос о связи обсуждаемых проблем с проблемами преподавания, о госстандартах, регламентирующих содержательную сторону учебного процесса. Предлагалось выделить раннее Новое время в особый период для учебного процесса (В.А. Евсеев), более четко прописать его в госстандарте (Т.И. Зайцева). Д.Ю. Бовыкин поставил вопрос о причинах несогласованности вузовских программ со школьными, где по раннему Новому времени имеются соответствующие учебники. Он отметил, что поскольку большинство студентов в будущем не собираются заниматься ни ранним Новым временем, ни собственно Новым временем, то им нужна некая непротиворечивая концепция этой эпохи, изложенная ясным, доступным языком, или “набор вечных истин”, как сформулировал С.В. Кондратьев.

Участники конференции поделились с коллегами опытом преподавания ранней Новой истории. Многие выступавшие (С.П. Карпов, Д.Ю. Бовыкин, А.В. Афонюшкина и др.) возвращались к материалам “круглых столов” 1992 г. по проблемам периодизации истории⁹. Как известно, именно тогда при активном участии медиевистов концепт “раннее Новое время” был пущен в широкий оборот, а в главном вузе страны – МГУ – появилась кафедра истории Средних веков и раннего Нового времени. Декан исторического факультета МГУ С.П. Карпов, возглавляющий кафедру истории Средних веков и раннего Нового времени истфака МГУ, и преподаватель этой кафедры Т.П. Гусарова ссылались на кафедральный учебник, второй том которого имеет “парадоксальное название”, а именно – “История Средних веков. Раннее Новое время”¹⁰. В соответствии

⁷ Эйлер Дж. Восстание или революция? Англия 1640–1660 гг. СПб., 2004.

⁸ Чудинов А.В. Французская революция: история и мифы. М., 2007.

⁹ Круглый стол Ассоциации медиевистов и историков раннего нового времени (4 сентября 1992 г.). – Бюллетень Всероссийской Ассоциации медиевистов и историков раннего нового времени. М., 1993, № 2, с. 16–19; “Круглый стол” в Институте мировой истории РАН “О проблемах периодизации всемирно-исторического процесса” (28 сентября 1992 г.). – Там же, с. 19–21.

¹⁰ История средних веков, в 2-х т. Т.2. Раннее новое время. Учебник под ред. С.П. Карпова. М., 2000.

с ним чтение данного курса осуществляется силами медиевистов в хронологических рамках XVI – первой половины XVII в. С.П. Карпов аргументировал это тем, что указанный период нельзя изучать и, следовательно, преподавать без особой подготовки, подразумевающей, среди прочего, знание латыни. В то же время Д.Ю. Бовыкин, преподаватель кафедры новой и новейшей истории того же факультета, отметил, что самый “ранний” год, с которого, на его взгляд, нужно излагать курс Новой истории (читаемый на факультете с середины XVII в.) – 1480 г.

В.М. Володарский предложил сравнить специфику МГУ с тем, что есть в РГГУ, где чтение курса Средних веков заканчивают Великими географическими открытиями. А.В. Афонюшкина сетовала на то, что до сих пор Новую историю читают начиная с Английской революции, и это искусственно разрывает внутренне единый период на две части. По ее мнению, раннее Новое время нужно начинать с конца XV в. и “дотягивать” до Французской революции конца XVIII в. О.В. Ким привел пример Кемеровского университета, где преподавание раннего Нового времени выделено в отдельный курс.

Своими размышлениями о системе высшего исторического образования в современной Франции, где учебников, как таковых, нет, а предпочтение отдается специалистам по французской истории, поделился А. Берелович. Если до 1968 г. во Франции была, хоть и не очень стройная, но обширная программа, в рамках которой изучалась история Англии, Германии и других государств, то теперь этот порядок исчез. Такое “плачевное состояние” докладчик связал со структуралистской революцией, которая, с одной стороны, привнесла в историческую науку много полезного, а с другой – привела к забвению социально-экономической истории и глобального процесса.

Л.Р. Хут говорила о “фигуре умолчания”, о том, что на рубеже XX–XXI вв. творчество ряда исследователей, предложивших свои, пусть и спорные, трактовки всемирной истории и Новой истории как ее составной части, остались в тени. Она назвала имена историков В.М. Ракова¹¹, Б.Н. Комиссарова¹², ушедшего из жизни социолога В.М. Вильчека¹³. Обсуждение их работ так и не состоялось на страницах академических журналов.

Участниками конференции было высказано предложение сделать издаваемый с 2010 г. ИВИ РАН электронный журнал “История”¹⁴ полем для дискуссии по поводу раннего Нового времени представителей разных направлений исторического знания.

Завершением конференции стало итоговое выступление ее организатора и ведущего П.Ю. Уварова “Что мы знаем о раннем Новом времени”.

Л.Р. Хут,
кандидат исторических наук,
доцент исторического факультета
Адыгейского государственного университета
г. Майкоп

Ниже публикуются расширенные тексты докладов, которые сделали на конференции П.Ю. Уваров и О.В. Ким.

¹¹ Раков В.М. “Европейское чудо” (рождение новой Европы в XVI–XVIII вв.). Учебное пособие. Пермь, 1999.

¹² Комиссаров Б.Н. О содержании и преподавании новистике. – Первые Петербургские Кареевские чтения по новистике. 17–21 апреля 1995 г. Краткое содержание докладов. СПб., 1996, с. 20–28; *его же*. В полосе приграничья: между новым и постновым временем. – Петербургская историческая школа. Альманах. Приложение к журналу для ученых “Клио”. Третий год выпуска памяти А.Я. Лейкина. СПб., 2005, и др.

¹³ См.: Вильчек В.М. Алгоритмы истории: филос.-социол. этюды. М., 1989; *его же*. Прощание с Марксом. (Алгоритмы истории). М., 1993; *его же*. Алгоритмы истории. М., 2004.

¹⁴ История: электронный научно-образовательный журнал. [Электронный ресурс]. URL: <http://mes.igh.ru/magazine>